

Часть первая

ЭЛЮНЯ

ОДЕССА

Элла с раннего детства знала, что станет звездой.

— Звездочка моя, — шептала бабушка, расчесывая ее темные кудри.

— Эх, Люся, дали мы с тобой маху, — сокрушался отец в разговоре с мамой, — надо было ее не Эллой назвать, а Стеллой. Стелла — звезда!

И только вторая бабушка, мамина мама, возмущенно пыхтя папироской, ерошила внучке волосы и шептала:

— Элка, держись, не давайся, они тебя изуродуют на фиг!

— Дядя Лева подарил мне скрипку, — испуганно сказала ей внучка.

— Ай боженька, что идиоты делают! У тебя же нет слуха! Лучше я научу тебя шить, всегда кусок хлеба будет, а скрипка без слуха — чистое горе!

Но мамина мама не имела в семье веса, она считалась легкомысленной, и Элле даже иногда казалось, что мама немного стесняется ее. Евгения Вениаминовна жила отдельно, на Шестнадцатой станции Большого Фонтана, в маленьком домике, который стоял в маленьком садике. А у папиной мамы была квартира на Пушкинской и дача в Аркадии. Папину маму звали Антонина Сократовна, ее предки были греками.

А вот дедушки у Эллы не было, ни одного. Но у бабушки Жени был сосед, бывший капитан китобойной флотилии, высоченный, представительный мужчина с седыми усами и вечной трубкой в зубах, который не выговаривал букву «л».

— Эвва, вови! — кричал он, когда Элла появлялась в бабушкином саду, и кидал ей через забор шоколадную бомбу, завернутую в золотую бумажку. Это был роскошный подарок! Под толстым слоем твердого шоколада был тонкий слой вафель, а внутри нежнейшая шоколадная начинка. Официально бомбы назывались «Печенье «Мечта»». Но никогда и нигде его нельзя было купить, и даже Эллин отец, человек, занимавший немалый пост в Одесском пароходстве и приносявший домой заказы с дефицитом, не знал, где берут шоколадные бомбы.

Это было фантастически вкусно, и ничего по-

добного она нигде и никогда не пробовала, даже став взрослой и живя в Москве.

В Одессе был культ еды. Как готовила бабушка Евгения Вениаминовна! И мама! Правда, бабушка Антонина Сократовна готовить не умела, она была партийным работником. Но лучше всех готовила соседка тетя Циля, зубной врач. И ее муж дядя Изя тоже здорово готовил. Ах, как Элла любила у них бывать, она там чувствовала себя куда лучше, чем дома, почти так же хорошо, как в саду у бабушки Жени. А дома ее все время заставляли играть на скрипке, которую она от всей души ненавидела. Бабушка Антонина Сократовна говорила, недобро прищурившись:

— Легкой жизни хочешь? Сперва надо попотеть еще!

Но Элла не хотела потеть, в Одессе летом и без скрипки можно так вспотеть! Элла надеялась, что в музыкальной школе, знаменитой школе имени Столярского, откуда вышла прорва знаменитых музыкантов, ее забракуают, но почему-то ее приняли. Дома по этому случаю устроили торжество, пригласили всех родственников, соседка тетя Циля испекла огромный торт со сметанным кремом, а дядя Изя преподнес Элле ее первый в жизни букет красных роз. Антонина Сократовна была довольна.

— Изя, что ты делаешь? Девчонке не о розах надо думать, ей трудиться надо, вкалывать до седьмого пота, а розы — потом!

— Ничего подобного, женщине розы нужны всегда! — серьезно возразил дядя Изя.

— Она не женщина, а сопливая девчонка!

— Женщина всегда женщина, даже в пеленках, если, конечно, она настоящая женщина.

Дядя Изя вообще был самым добрым человеком на свете!

А остальные гости поздравляли Элли и дарили ей скучные нужные вещи — большую папку для нот, пюпитр. Правда, тетя Нина подарила красивую клетчатую юбку, но розы доставили ей самое большое удовольствие. И еще торт с нежно-кисловатым сметанным кремом...

А еще на том торжестве присутствовал почетный гость — папин друг из Москвы, знаменитый писатель Вячеслав Батулин. Это был седоватый, вальяжный мужчина, одетый во все заграничное. Дамы млели перед ним — еще бы, столичная знаменитость, — а бабушка Женя сказала тихо маме: «Затейливый самец!» Элле он почему-то внушил какой-то мутный, стыдный страх, и, когда он потрепал ее, девятилетнюю, по кудрявой голове, она в панике шарахнулась от него, а по спине побежали мурашки. Через много-много лет, прочитав его посмертно выпущенные дневники, она вдруг отчетливо поняла — тот страх был ее первым бессознательным сексуальным ощущением...

С поступлением в школу Столярского для Элли началась поистине каторжная жизнь. По многу часов в день она «потела» под присмотром Антони-

ны Сократовны, которая недвижимо сидела в кресле. Она была немзыкальна, ничего, по-видимому, не понимала, но у нее была железная партийная выдержка, и ничто не могло сломить ее волю, даже кошмарные, душераздирающие звуки Эллиной скрипки — иногда она нарочно старалась играть так, чтобы бабушка заткнула уши и убежала вон или сломала ненавистную скрипку, но ничуть не бывало. Бабушка сидела как каменная. Когда однажды Элла пожаловалась на это бабушке Жене, та усмехнулась и, обращаясь не столько к внучке, сколько к постоянно присутствующему китобою, сказала:

— Ей небось не привыкать, сколько на партсобраниях высидела в самые жуткие времена...

Но все оказалось проще: однажды Элла увидела, как Антонина Сократовна что-то втыкает в уши перед тем, как засесть у нее в комнате. Она попросту не слышала, что там играет внучка! Эти затычки для ушей ей подарил знакомый из подмосковного города Жуковского, где испытывали какие-то очень шумные устройства для самолетов. Узнав все это, Элла стала просто беззвучно водить смычком по струнам. Антонина Сократовна ничего не заметила. Главное, что внучка «потееет».

После «потения» Эллу отпускали гулять. Если погода была плохая, она отправлялась прямиком к тете Циле. Кстати, благодаря ей Элла не испытывала страха перед зубными врачами. Тетя Циля была уже на пенсии, но летом работала на Куяльнике,

где были знаменитые грязелечебницы. А в остальное время занималась домом, изредка лечила зубы соседям, но далеко не всем, а только «проверенным», которые наверняка не донесут. А еще она пела. Когда-то в далекой юности она мечтала стать певицей, но началась война, и она пошла в морскую пехоту! На чуть тронутых временем снимках тех лет — ослепительная красавица в лихо заломленном форменном берете! Дядя Изя тоже воевал, дошел до Берлина, он тоже в молодости был красавцем, вся грудь в орденах, после войны еще несколько лет служил в армии, а потом стал преподавать английский в институте. У них всегда дом был полон друзей, но центром их жизни был единственный сын, который работал в Киеве и редко бывал дома. Он тоже был красавец. И всегда привозил Элле подарки, а однажды даже пытался поговорить с Антониной Сократовной по поводу ее занятий скрипкой. Мол, не надо, наверное, насиловать ребенка... Но ничего не помогло. А потом в один совсем не прекрасный день у дядя Изи случился инфаркт, его увезли в больницу, а Элла случайно подслушала разговор родителей и узнала, что, оказывается, Игорь, сын дяди Изи и тети Циля, подал документы на выезд в Израиль — и у дяди Изи начались неприятности в институте... Но все обошлось, дядя Изя поправился, только стал не таким веселым и шумным, как раньше, а вскоре все они переехали жить в Вильнюс — Игорь с женой и дядя Изя с тетей Цилей. Вероятно, это явилось в те годы

самым большим горем для Эллы, ее первой настоящей потерей, а сколько их еще было впереди...

С мамой творилось что-то странное. Она часто теперь приходила с работы с большим опозданием, исчезала куда-то по выходным и как-то даже сожгла свой знаменитый пирог со сливами. Бабушка Антонина Сократовна была очень недовольна.

— Людмила, что с тобой? Ты не больна?

— Нет-нет, что вы, я просто задумалась.

— Ты случайно не беременна? — понизив голос, осведомилась свекровь.

— Да бог с вами, скажете тоже! — засмеялась мама.

— Жаль.

— А мне нет, — тихо проворчала мама.

Элла подумала, что если бы в доме появился младенец, то, может быть, от нее отвязались бы и позволили бросить музыкальную школу.

Атмосфера в доме стала сгущаться. Папа часто бегал взад-вперед по квартире, не выпуская сигареты изо рта, когда мамы не было дома. По утрам, собираясь в школу, Элла слышала, как они ругаются в спальне. Бабушка Антонина Сократовна стала при появлении мамы поджимать губы и отворачиваться. Элла хотела спросить у нее, в чем дело, но не решилась. Почувствовала, что бабушка скажет о маме что-то плохое. Но ее это сильно тревожило, и она спросила у бабушки Евгении Вениами-

новны. Та засмеялась, потом прижала к себе внучку, взъерошила ей волосы и проговорила тихо:

— Ничего страшного, в жизни всяко бывает, вырастешь — поймешь. Просто мама твоя заболела, а свекрови это не нравится. Мне бы тоже не понравилось, если б твой папа заболел.

— Почему? Разве человек виноват, если он заболел?

— Болезни бывают разные...

— Женечка, ты в своем уме? — вмешался в разговор китобой. — Эвва, не свушай бабушку, она сама не знает, что говорит. Твоя мама совершенно здорова, просто у нее неприятности на работе.

— Да-да, — почему-то покраснела бабушка Женя, — я глупость сказала. Просто я имела в виду...

— Что ты имева в виду, совершенно неважно, — отрезал китобой.

— Ты прав, Люсик.

Здоровенного китобоя звали Алексеем Алексеевичем, но бабушка Женя звала его Люсиком.

Элла сделала вид, что поверила Люсику, но в душе поселился страх: мама больна! В школе у одного мальчика, Вовика Тапуза, умерла мама. У нее нашли какую-то редкую болезнь легких и не смогли вылечить.

Элла стала очень внимательно приглядываться к маме, — она похудела, глаза у нее горели каким-то лихорадочным блеском... Но вскоре все разъяснилось. В один прекрасный день мама встретила

Эллу у школы. Вид у нее был взволнованный и виноватый.

— Мама! — удивилась Элла. — Ты не на работе?

— Нет. Я уволилась.

— Значит, правда ты не больна, а у тебя были неприятности?

Мама как-то рассеянно погладила дочку по голове.

— Элка, мне надо с тобой поговорить. Хочешь мороженого?

Элла испугалась:

— О чем поговорить?

— Пошли на лавочку сядем. — Она взяла дочку за руку и повела за собой. — Сядь. Элочка, солнышко мое, я... Понимаешь, я должна уехать...

— Уехать? Ну и что?

Мама уже уезжала не раз. То в отпуск, то к родственникам в Москву, то они с папой были в кризисе.

— Я... Я надолго уеду...

— А папа? Он тоже уедет?

— Нет, папа не уедет... Мы с папой разводимся...

У Эллы все внутри оборвалось. Она подняла на маму глаза в надежде, что ослышалась и неправильно поняла.

У мамы выступили слезы.

— Элка, пойми... ну не могу я больше так жить... мне плохо в этом доме, я пропадаю там...

— А я?

— А ты... у тебя все по-другому, тебя все обожают, у тебя все есть, ты и дальше так будешь жить... —

Она заплакала. — Ну я не знаю, как это объяснить... не знаю... Ты же еще маленькая, не поймешь, наверное... но ты не думай, я буду к тебе приезжать...

— А ты возьми меня с собой! Я без тебя не хочу, — безнадежным тоном попросила Элла.

— Не могу! Но это пока... Потом я устроюсь и обязательно тебя возьму! Обязательно, честное слово. Ты потерпи без меня немножко, а потом я приеду и заберу тебя, договорились?

— Правда заберешь?

— Клянусь тебе чем хочешь! — горячо воскликнула мама. Она была готова пообещать что угодно, лишь бы дочка не сидела так пришибленно и не таращила на нее испуганные, несчастные глаза. — Ты умеешь хранить секреты?

— Умею!

Мама наклонилась к ее уху:

— Может быть, года через два мы с тобой вообще отсюда уедем! Насовсем... в другую страну!

— В Израиль? — еле слышно спросила Элла.

— В Америку!

— А бабушка Женя?

— Не знаю, там видно будет, — отвела глаза мама. — Элка, пообещай мне, что не будешь плакать.

— Я... Я постараюсь, — с трудом проглотив комок в горле, проговорила Элла.

— Вот и умничка, ты у меня вообще самая умная и самая красивая... — Мама прижала ее к груди. — Если так и дальше будешь стараться, то потом мы с тобой будем жить за границей, в Америке,

в доме с бассейном... и у тебя будут самые красивые платья и игрушки и...

— А там тоже надо будет играть на скрипке?

— Обязательно! У тебя талант! Его нельзя зарывать в землю!

Перспектива жить в далекой, чужой Америке — без бабушек, без папы, хоть и с бассейном, но зато с ненавистной скрипкой — мало привлекала Эллу, однако мама смотрела на нее с такой мольбой, что она вздохнула тяжело и едва слышно сказала:

— Я постараюсь...

Ей было тогда одиннадцать лет.

МОСКВА

— Элка, ты сошла с ума! С такой задницей носить белые брюки! — закатила глаза Леля.

— А мне нравится!

— Мало ли что тебе нравится! Уродуешь себя!

— Леля, по-моему, это тебя не касается!

— Еще как касается, мне ж целый день на тебя смотреть!

— Леля, прекрати! — вмешалась Мария Игоревна. — Оставь Эллу в покое!

— Я ей добра желаю!

— А ты не можешь желать добра немного потише? И поделикатнее?

— Глупости! Деликатностью ничего нельзя добиться! Пусть она взбесится наконец и мне назло

сядет на диету! Тридцать пять лет бабе — надо худеть, пока не поздно! Известно же, после сорока худеть гораздо труднее!

— Да ерунда, не надо ей худеть, ее прелесть в полноте!

— Она слишком хорошо готовит! Вот и жрет немерено!

— То, что она готовит, просто нельзя есть понемножку! Ты ж сама, несмотря на свои диетические заморочки, трескаешь Элкины пироги так, что...

— Вот и я говорю, она слишком хорошо готовит!

Они говорили так, будто Эллы не было в комнате. В общем-то ее все в конторе любили, но она давно научилась быть незаметной. Никогда не кричала, не выходила из себя, не вступала в шумные дискуссии, а тихо делала свое дело. Она работала юристом в литературном агентстве «Персефона». Название его было составлено из первых букв фамилий организаторов — Перельман, Серов и Фонякова. Перельман уже три года как умер, Фонякова вышла замуж и переехала в Петербург, и Валерий Яковлевич Серов теперь единолично владел агентством. Эллу всегда удивляло, неужели никто из создателей фирмы не знает, что Персефона кроме всего прочего была богиней царства мертвых, супругой Аида? Но, судя по Валерию Яковлевичу (остальных она не знала), они ничего не смыслили в мифологии. Впрочем, Персефона была наряду со своей матерью Деметрой еще и боги-

ней плодородия и земледелия, — вероятно, поэтому агентство, в общем, процветало. Валерий Яковлевич был неплохой человек, весьма посредственный юрист, но зато умел прошибать лбом стены и имел организаторские способности. Он быстро понял: миловидная, хоть и полная, женщина незаменимый работник — и очень ее ценил. Если он слышал, что Леля уж чересчур нападает на Эллу Борисовну, он стучал кулаком по столу и непререкаемо заявлял:

— Елена, запомни раз и навсегда — никто не знает, какая у тебя будет фигура, когда ты доживешь до лет Эллы Борисовны.

Поначалу Элла обижалась, вспыхивала, глотала подступавшие слезы, но вскоре поняла: он вовсе не хотел ее обидеть, просто Валерий Яковлевич принадлежит к мужчинам, для которых двадцатипятилетняя женщина уже, как писал кто-то из классиков, «не совсем свежая Фиделька», а тридцатипятилетняя и вовсе безнадежная старуха. А поскольку он совсем ей не нравился как мужчина, это перестало ее задевать. Он начальник, и неплохой в общем-то, и вроде даже не дает ее в обиду... пусть... Она вообще не была обидчива и по-настоящему обиделась всего один раз в жизни — на свою мать, которая поначалу еще навещала изредка дочь, а потом уехала за границу и сгинула.

Отец спился, бабушка Антонина Сократовна с горя слегла, когда отца выгнали с работы. Тогда бабушка Женя перебралась в большую квартиру на

Пушкинской, а ее китобой перебраться не захотел, и бабушка Женя рвалась на части, ухаживая за Антониной Сократовной, отцом и Эллой и навещая своего китобоя. Денег в семье не стало, Антонина Сократовна отдала бабушке Жене свои драгоценности, которых она никогда не носила, с просьбой продать их.

Бабушка Женя, невысокая, худенькая, с вечной сигаретой во рту, очень удивилась:

— Откуда это у вас? Вы ж всегда говорили, что выросли в нищете. Или у вас были богатые любовники? А как же партийная совесть?

— Женя, что вы такое говорите? У меня в жизни был только один мужчина — мой муж!

— Господи, какой кошмар, до чего ж вы несчастная женщина, я даже не думала! — искренне воскликнула Евгения Вениаминовна.

— Зато у вас их было, видимо, не счесть! Как и у вашей дочки! Боюсь, как бы Эллочка не унаследовала это от вас!

— Надеюсь, унаследует! — усмехнулась Евгения Вениаминовна.

Разговор перешел на другое, а вопрос о происхождении драгоценностей так и остался без ответа.

Но продавать их бабушка Женя не стала. Она решила вопрос иначе — начала готовить на заказ. В Одессе каждая вторая женщина была великой кулинаркой. Но находились состоятельные дамы, жены «больших людей», которые не хотели стоять